

ISSN 0869-4362

**Русский
орнитологический
журнал**

**2012
XXI**

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
722
EXPRESS-ISSUE

2012 № 722

СОДЕРЖАНИЕ

- 155-164 Политерриториальность и полигиния у птиц:
перспективы сравнительно-этологического подхода.
В. В. ИВАНЦКИЙ
- 164-167 Определение возраста у мухоловок-пеструшек
Ficedula hypoleuca в период размножения.
В. Г. ВЫСОЦКИЙ
- 167-170 О гнездовании кобчика *Falco vespertinus* и большого ве-
ретенника *Limosa limosa* в юго-восточном
Приладожье. М. В. ПАТРИКЕЕВ
- 170-173 О распространении овсянки-крошки *Emberiza pusilla*
в Карелии. Т. Ю. ХОХЛОВА, М. В. ЯКОВЛЕВА
- 174-178 К орнитофауне района освоения целины
(Павлодарское Прииртышье). В. Г. ИВЛИЕВ,
О. В. МИТРОПОЛЬСКИЙ, М. Г. ТАЗЕТДИНОВ
- 179 Сирийский дятел *Dendrocopos syriacus* –
новый вид авифауны Астраханской области.
А. Г. ВАКУЛЕНКО, И. Р. БЁМЕ
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

CONTENTS

- 155-164 Polyterritoriality and polygyny in birds:
perspectives of comparative ethological approach.
V. V. IVANITSKY
- 164-167 Aging of pied flycatchers *Ficedula hypoleuca*
during breeding season. V. G. VYSOTSKY
- 167-170 On the nesting of the red-footed falcon *Falco vespertinus*
and the black-tailed godwit *Limosa limosa*
in south-eastern part of Ladoga region.
M. V. PATRIKHEEV
- 170-173 On distribution of the little bunting
Emberiza pusilla in Karelia.
T. Yu. KHOKHLOVA, M. V. YAKOVLEVA
- 174-178 To avifauna of virgin lands in the early years
of development (Pavlodar region). V. G. IVLIEV,
O. V. MITROPOLSKY, M. G. TAZETDINOV
- 179 The Syrian woodpecker *Dendrocopos syriacus* –
a new species of avifauna of the Astrakhan Oblast.
A. G. VAKULENKO, I. R. BEME
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St.-Petersburg University
St.-Petersburg 199034 Russia

Политерриториальность и полигиния у птиц: перспективы сравнительно-этологического подхода

В.В.Иваницкий

Второе издание. Первая публикация в 1990*

Известно, что у перелётных птиц весной первыми возвращаются к местам гнездования самцы. Они занимают гнездовые территории, охраняют и рекламируют их с помощью пения и демонстративного поведения, привлекая внимание самок. Образование брачной пары, по существу, сводится к объединению самца и самки на общей территории, которая обеспечивает необходимую степень их изоляции от соседних пар. Суть политерриториальности состоит в том, что после образования пары на одной (первичной) территории самец занимает поодаль другую (вторичную) территорию, которую также защищает, рекламирует и нередко привлекает сюда новую самку. Таким образом, политерриториальность тесно связана с полигинией.

Политерриториальность принадлежит к числу наиболее интригующих способов внутрипопуляционной организации у птиц. Она известна орнитологам с конца 1940-х годов (Löhr 1949; Williams 1952; Naartman 1956), однако настоящий взрыв интереса к политерриториальности наблюдается в последние годы. Это обусловлено расширением исследований с применением индивидуального мечения у птиц, а также стимулирующим воздействием теоретических моделей, созданных в рамках социобиологического подхода к изучению социального поведения животных. Необходимо отметить и сугубо практическое значение политерриториальности при проведении количественных учётов птиц, изучении соотношения полов или размножающихся и неразмножающихся особей в популяциях. Предлагаемая статья представляет собой краткий обзор фактов и гипотез, касающихся политерриториальности у птиц.

Будучи тесно связанной с полигинией, политерриториальность далеко не всегда, тем не менее, заканчивается новым брачным альянсом. Так, в Швеции около 90% самцов мухоловки-пеструшки *Ficedula hypoleuca* занимают вторичные территории, но лишь 25% из них удаётся приобрести вторую самку (Silverin 1983). Там же политерриториальность отмечена у 53% пеночек-трещоток *Phylloscopus sibilatrix*, но

* Иваницкий В.В. 1990. Политерриториальность и полигиния у птиц: перспективы сравнительно-этологического подхода // *Биол. науки* 8: 62-71.

только 6% самцов становятся полигамами (Temrin 1984). У пеночки-веснички *Phylloscopus trochilus* в Англии политерриториальные самцы составляют менее 10% их общего количества, однако 70% из них образуют альянс со второй самкой на вторичной территории (Lawn 1982).

Нередко в одной популяции одни самцы практикуют политерриториальную полигинию, тогда как другие – монотерриториальную полигинию. У веснички отмечено 11 случаев полигинии, причём в 6 случаях обе самки полигамного самца жили бок о бок на одной территории при расстоянии между их гнёздами от 40 до 100 м. В 5 случаях находившиеся на разных территориях одного самца гнёзда самок разделяло 90-190 м. В популяции дроздовидной камышевки *Acrocephalus arundinaceus* в Польше полигамные самцы составляют примерно 15%, причём у 23% из них полигиния совмещена с политерриториальностью (Dyrce 1986). В данном случае политерриториальность обусловлена главным образом неоднородностью местообитания, когда территории, опекаемые одним самцом, располагаются в «клуббах» тростника, отделённых друг от друга участками чистой воды. Расстояние между гнёздами одного самца при политерриториальности достигает 140 м (в среднем 112 м), тогда как при монотерриториальной полигинии оно в ряде случаев не превышало 10 м (в среднем 28 м). В популяции каменных воробьёв *Petronia petronia*, изученной нами на юге Туркмении (Иваницкий 1985), преобладала монотерриториальная полигиния (8 случаев), а политерриториальная полигиния была относительно редка (2 случая). Расстояние между гнёздами одного самца при политерриториальности составило 23 и 165 м, при монотерриториальной полигинии – 8-40, в среднем 26.5 м.

У мухоловки-пеструшки преобладает политерриториальная полигиния, однако расстояние между центрами территорий (т.е. рекламируемыми дуплами) одного самца варьирует от 40 до 500 м (редко больше), причём во многих случаях территории, принадлежащие одному самцу, отделены друг от друга территориями других самцов. В местах с плотным и равномерным размещением искусственных гнездовых подавляющее большинство самцов этого вида занимает вторичную территорию в 100-200 м (в среднем 150 м) от первичной территории (Alatalo *et al.* 1981; Silverin 1983; Высоцкий 1986). У самцов трещотки расстояние между центрами первичной и вторичной территорий варьирует от 165 до 550, составляя в среднем 290 м (Temrin 1984).

Имеются данные о географических различиях в частоте политерриториальности. Так, в южных районах Швеции, как уже упоминалось, политерриториальны около 90% самцов мухоловки-пеструшки, тогда как в северных районах страны (Лапландия) склонность к приобретению вторичной территории проявляют лишь 30% самцов (Alatalo, Lundberg 1984). В Швеции политерриториальность у трещотки

распространена достаточно широко (Temrin 1984), а в Польше у этого же вида встречается только монотерриториальная полигиния (цит. по: Temrin 1984). У веснички политерриториальность обычна в Англии (Lawn 1982), но в Финляндии (Jakobsson 1987), Карелии (Лапшин 1983) и на Северном Урале (Шутов 1986) отмечена лишь монотерриториальная полигиния.

Здесь важно подчеркнуть, что далеко не всегда вопрос о монотерриториальности или политерриториальности каждого конкретного самца может быть решён однозначно. Анализ опубликованных материалов приводит к выводу, что существует широкий спектр промежуточных вариантов. Помимо этого, у многих видов ситуация усложняется тем, что перемещения самок в пространстве в высокой степени автономны по отношению к конфигурации границ территорий самцов. Например, у трещотки самцы занимают и рекламируют небольшие территории площадью около 250 м². Образование пары происходит в основном на этой территории, однако затем самка приступает к выбору места для гнезда и при этом часто выходит за пределы территории своего брачного партнёра и начинает здесь постройку. В ходе гнездостроения самец сопровождает самку, однако после того, как она приступает к кладке и насиживанию, самец возвращается на свою территорию и возобновляет пение, стремясь привлечь новую самку (Herman 1971). Расстояние между рекламируемой территорией самца и его гнездом (гнездами) у трещотки варьирует от 50 до 90 м (Temrin 1984), а у веснички достигает 400 м (Рябицев 1983). В то же время расстояние между гнездами монотерриториальных полигамных самцов веснички составляет 55-155 м, таловки *Phylloscopus borealis* – 100-250, в среднем 165 м (Шутов 1986). Иными словами, мы не находим существенной разницы во взаимном расположении гнезд, принадлежащих одному самцу, при моно- и политерриториальной полигинии.

При истинной политерриториальности самец регулярно посещает обе свои гнездовые территории (их может быть и больше), осуществляя постоянный контроль над ними и обеспечивая их охрану. В то же время на каждом этапе репродуктивного цикла самец уделяет больше внимания какой-либо одной своей территории. Так, самец мухоловки-пеструшки покидает свою первую самку обычно в день откладки ею первого яйца и отправляется на поиски новой территории, токуя возле разных дуплянок. После спаривания с новой самкой на вторичной территории самец возвращается на первичную территорию к своей первой самке в разгар насиживания и начинает кормить её, а впоследствии – птенцов. Самка на вторичной территории выкармливает выводок, как правило, в одиночку, хотя иногда самец, выполнив свои родительские обязанности по отношению к выводку первой самки, успевает также принять участие в выкармливании своих птенцов от второй

самки на вторичной территории (Silverin 1983).

Политерриториальные самцы трещотки одновременно используют обе территории, причём в утренние часы в разгар социальной активности (пение, демонстрации, территориальное поведение) они бóльшую часть времени проводят на своих вторичных территориях, тогда как во второй половине дня держатся главным образом на первичных территориях (Temrin *et al.* 1984). Самцы трещоток, весничек и таловок на протяжении дня могут попеременно кормить птенцов в разных своих гнёздах (Herman 1971; Лапшин 1983; Шутов 1986). Аналогичное родительское поведение отмечено у политерриториальных самцов блестящего малого трупиала *Euphagus cyanocephalus*, опекающих гнёзда в разных частях колонии (Williams 1952).

При ложной или последовательной политерриториальности самец на протяжении сезона размножения использует несколько гнездовых территорий, однако всякий раз, переходя на новую территорию, он полностью утрачивает связи с прежней. Иллюстрировать этот тип поведения можно на примере уникальной по своему своеобразию популяционной организации ремеза *Remiz pendulinus*. В западноевропейских популяциях этого вида широко распространена как моно-, так и политерриториальная полигамия (полигамия и полиандрия). Все формы полигамии носят последовательный характер. Полигамия может быть как моно-, так и политерриториальной, полиандрия всегда сопряжена с последовательной политерриториальностью. Самка откладывает за сезон до трёх кладок в разных гнёздах, сооружаемых самцами, нередко оставляя потомство на попечение последних или бросая его на произвол судьбы. Так, на юге Швеции самки участвуют в насиживании 58% кладок, самцы – 19%, а почти 30% кладок не насиживаются вообще и погибают из-за несогласованности в действиях партнёров (Persson, Ohrstrom 1985). Многолетнее изучение меченой популяции ремезов в Германии показало (Franz, Theib 1982-1983), что самцы в течение гнездового сезона могут перемещаться на расстояние до 40 км, а популяция находится почти в постоянном перемешивании из-за высокой подвижности особей и отсутствия гнездового консерватизма. Столь же высокая частота смен гнездовых территорий в сочетании с крайне низким уровнем постоянства населения на протяжении репродуктивного сезона и низким гнездовым консерватизмом отмечаются у золотистой цистиколы *Cisticola juncidis* в Японии (Ueda 1986). Высокая подвижность самцов на начальных стадиях формирования популяции свойственна некоторым пеночкам. По наблюдениям Лоуна (Lawn 1982), в Южной Англии многие самцы веснички занимают сразу же по прилёту временные территории, которые они охраняют и рекламируют до 29 дней (в среднем 15 дней). С началом массового прилёта самок самцы покидают временные территории, которыми тут же могут

воспользоваться другие самцы, приступающие здесь к размножению. Как пишет В.К.Рябицев (1983), изучавший этот же вид на Приполярном Урале, самцы часто покидают на время свои территории, улетая за сотни и тысячи метров, причём особенно регулярны такие вылеты в первое время пребывания в гнездовом районе при становлении территориальной структуры. Отметим, что обе изученные популяции веснички имели относительно низкую плотность, что, вероятно, стимулировало подвижность самцом и сделало возможным политерриториальность и обособленное расположение гнёзд по отношению к территориям на Урале. В значительно более плотных популяциях веснички в Польше (цит. по: Temrin 1984) и на северо-западе РСФСР (Лапшин 1983) отмечена только монотерриториальная полигиния. Таким образом, подтверждается ранее высказанное на примере мухоловки-пеструшки предположение (Alatalo, Lundberg 1984) о том, что высокая плотность популяции блокирует тенденции к политерриториальности.

Таковы в общих чертах сведения о политерриториальности, имеющиеся в мировой литературе. Их интерпретация заслуживает отдельного рассмотрения.

В сфере изучения полигинии и политерриториальности у птиц в настоящее время широкой популярностью пользуется гипотеза «обмана брачного партнёра», согласно которой самец занимает вторичную территорию на значительном удалении от первичной территории с тем, чтобы скрыть от новой самки то обстоятельство, что он уже обременён семьёй. Авторы гипотезы исходят из традиционной точки зрения о полезности полигинии для самцов (увеличение суммарного репродуктивного успеха или итоговой приспособленности) и вредности её для самок, которые не в состоянии воспользоваться помощью брачных партнёров, занятых выкармливанием птенцов на первичных территориях, что снижает успешность размножения «вторичных» самок в полигамных трио (Alatalo *et al.* 1981).

Хотя гипотеза «обмана» воспринята с известным сочувствием (Temrin 1984; Catchpole *et al.* 1985; Dyrce 1986), с нашей точки зрения, она содержит несколько уязвимых звеньев. Главное возражение состоит в том, что у птиц наиболее широко распространена как раз монотерриториальная полигиния, вопреки тому, что здесь в полной мере сохраняются все те факторы, влияющие на успешность размножения, о которых идёт речь в гипотезе «обмана». Более того, выше приведён целый ряд примеров, когда в одной популяции встречаются как моно-, так и политерриториальные полигамные самцы. Это позволяет усомниться в том, что осведомлённость самки о социальном статусе самца оказывает действительно существенное влияние на её решение о формировании брачного альянса с данным самцом. Имеется немало дан-

ных о значении качества занимаемой самцом гнездовой территории для успеха образования пар или полигамных трио. Парадокс, но один из наиболее убедительных экспериментов на этот счёт проведён на примере мухоловки-пеструшки самими же авторами гипотезы «обмана» (Alatalo *et al.* 1986), хотя складывается впечатление, что несоответствие этой гипотезы полученным экспериментальным данным осталось за пределами их внимания. А между тем, если самки мухоловки и в самом деле выбирают лучшие гнездовые территории (в сущности, лучшие синичники), то возникновение полигамных ячеек в данной ситуации вполне объясняется известной гипотезой «порога полигинии» (Orlans 1969). Применительно к мухоловке-пеструшке гипотеза «порога полигинии» предсказывает, что поведение самцов должно быть ориентировано прежде всего на поиски наиболее подходящих для размножения синичников с учётом экологических и социальных параметров.

Другая трудность, стоящая перед гипотезой «обмана», состоит в том, что самки мухоловки-пеструшки, оставшись в одиночестве, склонны к адюльтеру. В результате часть яиц оплодотворяется соседними самцами, что, естественно, снижает суммарный репродуктивный успех хозяина территории, который впоследствии будет выкармливать чужих птенцов (Bjorklund, Westman 1983). Таким образом, самец, оставляющий надолго свою первую самку ради сомнительной перспективы приобретения второй самки, рискует больше потерять, чем приобрести. Показано (Alatalo *et al.* 1988), что частота вторжений соседних самцов на первичные территории политерриториальных самцов достоверно выше, чем на территории самцов, сохраняющих верность единственной территории. В то же время авторы цитируемой работы не нашли достоверных различий в частоте случаев адюльтера самок, связанных с моно- и политерриториальными самцами, хотя величина выборки в данном случае была невелика (всего 7 внебрачных копуляций). Таким образом, гипотеза «обмана брачного партнёра», трактуемая как политерриториальность как специфическую адаптацию, ориентированную на максимальное увеличение успешности размножения самцов вопреки противодействию их полигамным тенденциям со стороны самок, далеко не универсальна и содержит ряд внутренних противоречий.

Наряду с социобиологической концепцией итоговой приспособленности, важной составляющей частью подходов к изучению политерриториальности служит доминирующая в современной орнитологической и этологической литературе классическая модель гнездовой территории, утвердившаяся в период расцвета популяционной биологии, а затем воспринятой социобиологами. Модель представляет территорию как монолитное, равномерно используемое и охраняемое пространство, имеющее по всему периметру чёткие, произвольно устанавливаемые

хозяйном пограничные рубежи и наделённое определёнными функциями в сфере самообеспечения и воспроизводства. Мы предложили назвать эту модель описания «типологической», противопоставляя её «блочной» модели, согласно которой территория рассматривается как динамическая поведенческая структура, приуроченная к определённым участкам местности и составляющая лишь часть индивидуального пространства особи (Иваницкий 1989). Как пишет Е.Н.Дерим-Оглу (1964), у птиц нет представления о территории, как о замкнутом участке, границы которого строго защищаются. Иными словами, «блочная» модель акцентирует прежде всего свойства территории распасться на отдельные фрагменты, степень взаимосвязи которых (монолитность территории) определяется целым рядом факторов.

Нетрудно убедиться, что упомянутые модели дают разные возможности для трактовки политерриториальности. С точки зрения «типологической» модели, это весьма экзотический феномен, требующий специального объяснения, в роли которого и фигурирует ныне гипотеза «обмана». Внимание её сторонников целиком сконцентрировано собственно на территориях, и все события, происходящие за их пределами, не рассматриваются. Между тем, как отмечает Моллер (Møller 1986), охраняемые территории у видов, склонных к политерриториальности, невелики по размеру. У мухоловки-пеструшки диаметр территорий составляет всего 20-30 м (Silverin 1983). Территория в данном случае – всего лишь предельно ограниченный фрагмент индивидуального пространства особи, структура которого практически совершенно не рассматривается. Отсюда – полное отсутствие данных о внутренней структуре участка обитания даже для этого «модельного» вида.

«Блочная» модель трактует политерриториальность как частный случай, иллюстрирующий общую тенденцию к фрагментации индивидуального пространства у птиц (Иваницкий 1989). Эта модель ориентирует на детальный анализ обстоятельств занятия и освоения особью данного участка местности с учётом не только сиюминутных аспектов, но и всего прошлого опыта. Особого внимания требует изучение социальной обстановки и её динамики в масштабах всего поселения, поскольку здесь могут корениться причины, побуждающие самцов к перемещениям в поисках новых рекламируемых центров.

В сущности, предпосылки к политерриториальности есть и в поведении монотерриториальных видов. Известно (Панов 1978), что после того, как самка приступает к насиживанию, у самца обычно резко активизируется рекламное поведение (пение, демонстративные полёты, патрулирование границ и т.д.), иногда вплоть до уровня, присущего холостым самцам. Характерно, что песенные посты самцов при этом, как правило, располагаются на максимальном удалении от гнезда (Catchpole *et al.* 1985; Dyrce 1986; наши данные). Наблюдения за

соловьями *Luscinia luscinia* показали (Симкин, Штейнбах 1984), что самки этого вида, со своей стороны, стремятся к относительной самоизоляции и располагают гнёзда на максимальном удалении от постоянных песенных постов как собственных, так и соседних самцов. Явное стремление к самоизоляции брачных партнёров можно наблюдать в период вождения выводков, когда самец кормит одну группу птенцов, а самка – другую, причём обе группы придерживаются, как правило, разных частей некогда общей гнездовой территории (Harper 1985; McLaughlin, Montgomerie 1985).

Таким образом, резкое противопоставление моно- и политерриториальности, нашедшее наиболее яркое воплощение в гипотезе «обмана брачного партнёра», базируется, как нам кажется, на приверженности «типологической» модели описания гнездовых территорий у птиц, акцентирующей лишь те черты использования пространства, которые играют роль в конкуренции за пищу, брачного партнёра и т.д. В последнее время всё в большей степени ощущается недостаточность такого подхода (см. Симкин 1982; Панов 1983; Иваницкий 1989). Необходимы тщательные исследования способов использования пространства, местообитаний, социальной структуры локальных поселений птиц с учётом широкой внутривидовой и межвидовой изменчивости поведения.

Литература

- Высоцкий В.Г. (1986) 2008. Территориальное поведение и брачная система мухоловки-пеструшки *Ficedula hypoleuca* на Куршской косе Балтийского моря // *Рус. орнитол. журн.* **17** (402): 293-294.
- Дерим-Оглу Е.Н. 1964. Гнездовая территория и территориальное поведение птиц леса // *Тр. Орехово-Зуевского пед. ин-та* **3**: 119-157.
- Иваницкий В.В. 1985. Пространственная структура популяции, территориальное поведение и полигиния у каменных воробьёв (*Petronia petronia*) // *Биол. науки* **9**: 50-55.
- Иваницкий В.В. (1989) 2011. Индивидуальное пространство у птиц: структурно-функциональные и экологические аспекты // *Рус. орнитол. журн.* **20** (707): 2326-2341.
- Лапшин Н.В. (1983) 2004. Факультативная полигиния у веснички *Phylloscopus trochilus* в условиях таёжного Северо-Запада России // *Рус. орнитол. журн.* **13** (274): 931-936.
- Панов Е.Н. 1978. *Механизмы коммуникации у птиц*. М.: 1-306.
- Панов Е.Н. 1983. *Поведение животных и этологическая структура популяций*. М.: 1-423.
- Рябицев В.К. (1983) 2003. Значение территории как места для гнезда и как участка для сбора корма у неколонизальных воробьиных // *Рус. орнитол. журн.* **12** (237): 1074-1076.
- Симкин Г.Н. 1982. Дифференциальная экология (основные задачи и перспективы) // *Экологические исследования и охрана птиц Прибалтийских республик*. Каунас: 5-8.

- Симкин Г.Н., Штейнбах М.В. 1984. Акустическое поведение и пространственно-этологическая структура поселений восточного соловья // *Орнитология* **13**: 135-145.
- Шутов С.В. 1986. Полигиния пеночки-веснички и пеночки-таловки на Приполярном Урале и её роль в поддержании численности // *Регуляция численности и плотности популяций животных Субарктики*. Свердловск: 71-77.
- Alatalo R.V., Carlson A., Lundberg A., Ulfstrand S. 1981. The conflict between male polygyny and female monogamy: the case of the pied flycatcher *Ficedula hypoleuca* // *Amer. Natur.* **117**, 5: 738-753.
- Alatalo R.V., Gottlander K., Lundberg A. 1988. Extra-pair copulations and mate guarding in the polyterritorial pied flycatcher, *Ficedula hypoleuca* // *Behaviour* **90**, 1/2: 116-226.
- Alatalo R.V., Lundberg A. 1984. Polyterritorial polygyny in the pied flycatcher *Ficedula hypoleuca* – evidence for the deception hypothesis // *Ann. zool. fenn.* **21**, 3: 217-228.
- Alatalo R.V., Lundberg A., Glynn G. 1986. Female pied flycatchers choose territory quality and not male characteristics // *Nature* **323** (6984): 152-153.
- Bjorklund M., Westman B. 1983. Extra-pair copulations in the pied flycatcher (*Ficedula hypoleuca*) // *Behav. Ecol. Sociobiol.* **13**, 4: 271-275.
- Catchpole C., Leisler B., Winkler H. 1985. Polygyny in the great reed warbler, *Acrocephalus arundinaceus*: a possible case of deception // *Behav. Ecol. Sociobiol.* **16**, 3: 285-291.
- Dyrce A. 1986. Factors affecting facultative polygyny and breeding results in the great reed warbler (*Acrocephalus arundinaceus*) // *J. Ornithol.* **127**, 4: 447-461.
- Franz D., Theib N. 1982-1983. Bruthbiologie und bestandsentwicklung einer farbberingten population der beutelmeise *Remiz pendulinus* // *Verh. Ornithol. Ges. Bayern* **23**, 5/6: 393-442.
- Haartman L. 1956. Territory in the pied flycatcher // *Ibis* **98**, 3: 460-476.
- Harper D.G. 1985. Brood division in robins // *Anim. Behav.* **33**, 2: 466-480.
- Herman C. 1971. Evolution de la territorialite dans une population de pouillots (*Phylloscopus sibilatrix*) // *Gerfaut* **61**, 1: 43-86.
- Jakobsson S. 1987. *Male Behaviour in Conflicts over Mates and Territories*. Dept. of Zool. Univ. of Stockholm.
- Lawn M.R. 1982. Pairing systems and site tenacity of the willow warbler *Phylloscopus trochilus* in southern England // *Ornis scand.* **13**: 193-199.
- Löhrl H. 1949. Polygynie, Sprengung der Ehegemeinschaft und adoption beim halsband fleiegenschnapper (*Muscicapa a. albicollis*) // *Vogelwarte* **15**: 94-100.
- McLaughlin R.L., Montgomerie R.D. 1985. Brood division by Lapland longspurs // *Auk* **102**, 4: 687-695.
- Møller A.P. 1986. Mating systems among European passerines: a review // *Ibis* **128**: 234-250.
- Orians G. 1969. On the evolution of mating systems in birds and mammals // *Amer. Natur.* **111**, 3: 589-603.
- Persson O., Ohrstrom P. 1985. Finns det nagra regler i pungmescens *Remiz pendulinus* parbildning // *Vår Fågelvärd* **44**, 3: 135-144.
- Silverin B. 1983. Population endocrinology and gonadal activities of the male pied flycatcher (*Ficedula hypoleuca*) // *Avian Endocrinology, Environmental and Ecological Perspectives*. Tokyo: 289-305.

- Temrin H. 1984. Why are some wood warbler (*Phylloscopus sibilatrix*) males polyterritorial? // *Ann. zool. fenn.* **21**, 3: 243-247.
- Temrin H., Mallner Y., Winden M. 1984. Observations on polyterritoriality and singing behaviour in the wood warbler *Phylloscopus sibilatrix* // *Ornis. scand.* **15**, 1: 67-72.
- Ueda K. 1986. A polygamous social system of the fan-tailed warbler *Cisticola juncidis* // *Ethology* **73**, 1: 43-55.
- Williams L. 1952. Breeding behavior of the brewer blackbirds (*Euphagus cyanocephala*) // *Condor* **54**, 1: 3-47.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск 722: 164-167

Определение возраста у мухоловок-пеструшек *Ficedula hypoleuca* в период размножения

В.Г.Высоцкий

Второе издание. Первая публикация в 1989*

Из многочисленных работ по биологии размножения мухоловки-пеструшки *Ficedula hypoleuca*, выполненных в разных частях ареала, следует, что подавляющее большинство птиц, приступивших к размножению на какой-либо территории, состоит из особей неизвестного происхождения и возраста. При этом нередко априорно допускается, что такие особи состоят преимущественно из птиц-первогодков. Опыт кольцевания показывает, что большинство взрослых мухоловок-пеструшек отлавливается именно в период размножения, а не во время миграций. Из-за отсутствия надёжных признаков для определения птиц-первогодков и особей в возрасте 2 лет и старше у данного вида остаётся неясной возрастная структура размножающейся популяции.

Недавно описанные признаки возраста для мухоловки-пеструшки (Karlsson *et al.* 1986) пока ещё не нашли широкого применения. Кроме того, указанные авторы имели дело с птицами, возраст которых не был точно известен, а определялся по совокупности нескольких признаков, поэтому перепроверка признаков возраста, выполненная на мухоловках-пеструшках с точно известным годом рождения, представляет определённый интерес.

В процессе специального исследования биологии мухоловки-пеструшки на Куршской косе Балтийского моря сопоставлялись возрастные

* Высоцкий В.Г. 1989. Определение возраста у мухоловок-пеструшек (*Ficedula hypoleuca*) в период размножения // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* **197**: 49-52.

признаки у птиц, возраст которых был точно известен (все они были окольцованы птенцами на исследуемой территории). На Куршской косе установлен высокий уровень возврата мухоловок-пеструшек (в среднем около 8%) в район своего рождения. Отлов взрослых птиц производился специальными автоматическими ловушками в искусственных гнездовьях в начале и первой половине сезона размножения. В 1987-1989 годах была собрана коллекция центральных рулевых перьев от 42 мухоловок-пеструшек в возрасте 1 года и от 80 особей в возрасте 2 года и старше. Кроме того, признаки возраста проверялись в 1988 году в полевых условиях на 60 особях в возрасте 2 лет и старше, которые были ранее окольцованы на исследуемой территории. В настоящем сообщении возраст рассматривается в годах жизни птицы, т.е. весной и в начале сезона размножения птицам в возрасте 1 год соответствует обозначение *sad*, а птицам в возрасте 2 года и старше – *ad* (Виноградова и др. 1976).

Форма вершин центральных рулевых перьев у самок и самцов мухоловки-пеструшки разного возраста.

Весной и в период размножения мухоловки-пеструшки в возрасте 1 года и птицы в возрасте 2 лет и старше могут быть определены по форме вершин рулевых перьев (Karlsson *et al.* 1986). На наш взгляд, для этого целесообразно использовать только центральную пару рулевых, потому что они в меньшей степени подвержены обносу и имеют наиболее выраженные различия в форме вершин. Наиболее отчетливо признаки возраста проявляются у самок-первогодков (рисунок), центральные рулевые перья которых имеют острую вершину и наиболее узкое опахало. Самки в возрасте 2 года и старше, как правило, имеют закруглённую вершину и заметно более широкое опахало центральной

пары рулевых перьев по сравнению с самками-первогодками. В некоторых случаях опахало может быть узким, но с округлой вершиной. В тех редких случаях, когда вершина центрального рулевого имеет не округлую, а немного заострённую форму, угол, образуемый окончанием внутреннего опахала и стержнем пера, заметно менее острый, чем у самок-первогодков. Как правило, у самок-первогодков концы рулевых перьев более обношены, чем у самок старшего возраста.

Самцы 2 лет и старше имеют наиболее широкое опахало и округлую или слегка заострённую форму вершины центрального рулевого пера. Цвет рулевых, как правило, темнее (чернее), чем у первогодков. У самцов в возрасте 1 год опахало центрального рулевого более узкое, конец внутреннего опахала имеет более острый угол к стержню, чем у самцов старшего возраста (см. рисунок). Обнос вершин сильнее выражен у самцов-первогодков. Интенсивность окраски верхней стороны тела у самцов не может служить признаком возраста, хотя самцы 2 лет и старше имеют в среднем более тёмную окраску.

Определение возраста мухоловок-пеструшек по форме рулевых перьев следует проводить в начале сезона размножения, когда перья имеют наименьший обнос. В тех случаях, когда у птиц в возрасте 2 года и старше одно из центральных рулевых было утеряно, на его месте вырастает перо, которое в некоторых случаях может иметь не характерную для данной возрастной группы заострённую вершину. Такое перо легко отличается по более тёмному цвету и свежей, не обношенной вершине и не должно учитываться при определении возраста. Форма рулевых перьев у особей в возрасте 2 года ничем не отличается от таковой у птиц более старшего возраста. Дополнительным признаком возраста может служить форма вершин больших верхних кроющих первостепенных маховых: у годовалых птиц они имеют заострённую, а у птиц более старшего возраста – закруглённую форму (Karlsson *et al.* 1986). Кроме того, у первогодков вершины первостепенных маховых перьев, по сравнению с птицами в возрасте 2 года и старше, более обношены.

Таким образом, определение возраста у мухоловки-пеструшки, как и у некоторых других воробьиных птиц (Svensson 1975; Виноградова и др. 1976), базируется на различии в форме рулевых перьев ювенального и взрослого нарядов. В силу того, что постювенальная линька у данного вида частичная, а во время предбрачной линьки рулевые перья не заменяются (Svensson 1975; Karlsson *et al.* 1986; Рымкевич, Правосудова 1987), весной птицы в возрасте 1 года имеют рулевые перья ювенального наряда. То же самое справедливо в отношении первостепенных маховых и их больших верхних кроющих.

Определение возраста по приведённым выше признакам у мухоловок-пеструшек неизвестного происхождения, приступивших к размно-

жению на территории наших исследований, показало, что среди этих птиц 65-70% особей являются первогодками.

Литература

- Виноградова Н.В., Дольник В.Р., Ефремов В.Д., Паевский В.А. 1976. *Определение пола и возраста воробьиных птиц фауны СССР: Справочник*. М.: 1-189.
- Рымкевич Т.А., Правосудова Е.В. 1987. Линька в годовом цикле мухоловки-пеструшки (*Ficedula hypoleuca* Pall.) // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* **163**: 95-111.
- Karlsson L., Persson K., Walinder G. 1986. Alders- och könsbestämning av svartvit flugsnappare, *Ficedula hypoleuca* // *Vår fågelvärld* **45**, 3: 131-146.
- Svensson L. 1975. *Identification Guide to European Passerines*. Stickholm: 1-183.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск 722: 167-170

О гнездовании кобчика *Falco vespertinus* и большого веретенника *Limosa limosa* в юго-восточном Приладожье

М.В.Патрикеев

*Второе издание. Первая публикация в 1989**

В конце XIX – начале XX столетия кобчик *Falco vespertinus* был достаточно обычен на территории Ленинградской области, но впоследствии стал встречаться значительно реже и за последние 30 лет был отмечен здесь не более 10 раз (Мальчевский, Пукинский 1983).

В 1988 году нам удалось, наконец, найти гнездящихся кобчиков в юго-восточном Приладожье, в северо-западной части Нижнесвирского заповедника (Лыково болото). Это открытое верховое болото площадью около 10 км² с несколькими лесными островами (сосновое редколесье) посередине. С 16 мая здесь стали встречаться как одиночные птицы, так и пары, и к 3 июня удалось локализовать гнездовые участки двух пар, загнездившихся на лесных островах в 500 м друг от друга. 25 мая на участке первой пары наблюдалось спаривание птиц, происходившее на вершине сухого пня и продолжавшееся около 10 с. Самец в процессе спаривания опустил крылья вниз и держал их так до окончания акта. 3 июня наблюдалось спаривание кобчиков из второй пары, которое происходило неоднократно за непродолжительный промежуток

* Патрикеев М.В. 1989. О гнездовании кобчика (*Falco vespertinus* L.) и большого веретенника (*Limosa limosa* L.) в юго-восточном Приладожье // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* **197**: 105-107.

времени. Самец, в отличие от первого, не опускал крылья, а часто взмахивал ими. В обоих случаях спаривание сопровождалось непрерывным криком самца.

Гнездо первой пары, найденное 19 июня, помещалось в старом, лишённом коры сухом стволе сосны с почти выгнившей сердцевинной, в полудупле, в верхней части ствола на высоте около 8 м. Щелевидный вход в дупло открывался сверху и сбоку. Сходным образом кобчики гнездились ранее на болотах Архангельской области (Соколов 1931). В день обнаружения гнезда самка уже насиживала.

Наблюдения проводились 19-23 июля, через некоторое время после вылупления птенцов, писк которых можно было слышать уже в 50 м от гнезда. Взрослые птицы исключительно доверчивы: самец подлетал к дуплу с кормом, едва человек отходил на 50-80 м (примерно с такого же расстояния автор наблюдал безо всякого прикрытия спаривание птиц). Несмотря на большое число наблюдаемых прилётов с добычей (63 за 10 ч), определить её характер удалось лишь трижды. В двух случаях это были живородящие ящерицы *Lacerta vivipara*, в одном – стрекоза, которой кобчик на присаде у гнезда оторвал крылья. Часто при подлёте взрослые птицы с криками опускались на сухие сосенки поблизости и перекладывали добычу из лап в клюв, затем летели к уже пищавшим птенцам и буквально ныряли во входную щель, причём так быстро, что рассмотреть их добычу было просто невозможно. Птицы охотились на болоте недалеко от гнезда. Основной способ охоты – подкарауливание добычи с присад. В одном случае самец зависал наподобие пустельги *Falco tinnunculus*, трепеща крыльями, а затем камнем падал вниз. Охота более добычлива при хорошей погоде (прилёт с добычей к гнезду в жаркий солнечный день 40 раз за 3 ч, в дождливую и пасмурную погоду – 11 раз за 4 ч). Самец кормил птенцов вдвое чаще, чем самка (соотношение 40:23 за 10 ч) и, передав корм птенцам, он сразу же улетал. Самка обычно задерживалась у дупла, сидя на краю летка. В отдельных случаях она забирала добычу у прилетевшего самца и сама кормила птенцов. В период наших наблюдений птенцы ни разу не поднимались к летку. Снаружи через щель было видно, как они копошатся в гнезде и что количество их не менее двух. Вылет пришёлся предположительно на конец первой или вторую декаду августа. За второй парой кобчиков нам проследить не удалось, но, вероятнее всего, они также загнездились.

За пределами Лыкова болота кобчики в заповеднике не встречены, здесь же их отмечали и ранее: в 1971, 1973 и 1974 годах (Носков и др. 1981). Но вообще следует заметить, что, несмотря на свою доверчивость, а может быть как раз в силу её, кобчики мало заметны. Они редко беспокоились у гнезда с кладкой и птенцами, почти не реагировали на появлявшихся поблизости птиц других видов (кроме серых во-

рон *Corvus cornix*). Всё это в комплексе с небольшими размерами хищника может служить причиной того, что этот вид часто пропускается наблюдателями. Но в любом случае численность кобчика на Северо-Западе СССР ничтожна, и он безусловно подлежит занесению в список особо охраняемых птиц Ленинградской области.

Большой веретенник *Limosa limosa* до недавнего времени изредка встречался и гнезвился только на южном побережье Финского залива и на юге Карельского перешейка (Мальчевский, Пукинский 1983). Нами он встречен на территории Нижнесвирского заповедника. В мае 1987 года на небольшом безымянном болоте переходного типа (площадь около 300 га) к юго-западу от залива Лахта встречена была беспokoящаяся птица, державшаяся в колонии больших кроншнепов *Numenius arquata*. Позже, в середине июня, этот вид был встречен на Лыковом болоте. Специальные поиски здесь в мае 1988 года сразу же позволили найти небольшую гнездовую колонию этого вида в западной части болота. Веретенники поселились в смешанной колонии куликов, основу которой составляли примерно 20 пар средних кроншнепов *Numenius phaeopus*. Там же гнездились 2-3 пары больших кроншнепов, 3-5 пар чибисов *Vanellus vanellus*, пара золотистых ржанок *Pluvialis apricaria*, несколько пар фифи *Tringa glareola* и бекасов *Gallinago gallinago* и, возможно, травник *Tringa totanus*. Колония больших веретенников, состоявшая примерно из 4 пар, занимала участок болота площадью около 30 га, ограниченный с севера и юга лесными островами, с запада – краем болота, а с востока – местами массового произрастания пушицы. Веретенники держались ближе к центру этой смешанной колонии, на её наиболее сыром участке, где в понижениях между кочками до второй половины лета стояла вода. Здесь гнездились примерно 4 пары этих птиц.

В 1988 году веретенники появились, видимо, в конце апреля (первая наша встреча с ними была 11 мая). 4 июня было найдено первое гнездо. Оно располагалось на кочке с невысокой травой, содержало 4 яйца и почти не имело выстилки. 6 июня 2 яйца были уже наклюнуты, а вылупление произошло, видимо, в конце первой декады этого месяца. К 19 июня взрослые веретенники, беспокоившиеся у выводков, были встречены уже вне пределов колонии.

Несомненно, в заповеднике гнездятся и отдельные пары большого веретенника. Так, 16 июня птица, волновавшаяся у выводка, встречена в южной части Лыкова болота. На болотах к юго-западу от Лахты также обитает не более одной пары. Обращает внимание явное тяготение большого веретенника к колониям кроншнепов. Очевидно, совместное гнездование с этими более многочисленными птицами повышает успешность размножения. Из описанной выше смешанной колонии ку-

лики совместными усилиями изгоняли серых ворон, сизых чаек *Larus canus*, серых журавлей *Grus grus* и других птиц.

Общая численность большого веретенника в заповеднике невелика, вероятно, не более 10-15 пар. Эти места гнездования отстоят от ранее известных находок на 200 км к северо-востоку. Можно предположить, что в настоящее время происходит расселение вида в северо-восточном направлении, и в связи с этим не исключено, что в ближайшее время он будет найден на гнездовье в других восточных районах Ленинградской области и в Приладожской Карелии.

Литература

- Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана. Л., 1: 1-480.
- Носков Г.А., Зимин В.Б., Резвый С.П., Рымкевич Т.А., Лапшин Н.В., Головань В.И. 1981. Птицы Ладожского орнитологического стационара и его окрестностей // Экология птиц Приладожья. Л.: 1-86.
- Соколов В.Н. 1931. К экологии кобчика (*Erythropus vespertinus*) архангельской тайги // Сб. раб. по лесному хоз-ву и мелиорации. М.; Л.: 131-138.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск 722: 170-173

О распространении овсянки-крошки *Emberiza pusilla* в Карелии

Т.Ю.Хохлова, М.В.Яковлева

Татьяна Юрьевна Хохлова. Институт биологии УРАН КарНЦ РАН,
ул. Пушкинская, д. 11, Петрозаводск, 185910, Россия. E-mail: hokhlova@karelia.ru

Марина Владимировна Яковлева. Государственный заповедник «Кивач»,
посёлок Кивач, Кондопожский район, Республика Карелия, 186220, Россия

Поступила в редакцию 20 января 2012

Орнитофауна Карелии, северная граница которой проходит по Полярному кругу, отличается высокой гетерогенностью состава, при этом до половины видов птиц, обитающих на её территории, находятся здесь на пределе своего распространения (Ивантер 2009). В XX столетии в её состав вошёл ряд новых видов, среди которых несколько представителей сибирской фауны. Один из них – овсянка-крошка *Emberiza (Ocyris) pusilla*, населяющая север таёжной зоны, лесотундру и юг тундровой зоны Евразии (Иванов 1976; Рябицев 2001).

В конце XIX века западную границу ареала овсянки-крошки проводили по Северной Двине (Холодковский, Силантьев 1901). В XX веке

произошло быстрое продвижение овсянки-крошки на север Европы. В 1901 году этот вид впервые зарегистрирован на территории Карелии: 2 июля два поющих самцов были обнаружены на Маткозере севернее посёлка Повенец между 63 и 64° с.ш. (Исполатов 1916). В первой половине 1930-х годов границу ареала проводили уже по границе с Финляндией (Дементьев 1937). К концу столетия овсянка-крошка освоила почти весь север Скандинавии, появилась в Норвегии и Швеции. Наиболее резкий скачок численности произошёл на рубеже 1980-1990-х годов, когда финская популяция увеличилась с 1 тыс. до 5-10 тыс. пар (Koskimies 1997).

Одной из особенностей этого северного вида является низкий уровень гнездового консерватизма: даже в основном ареале на места рождения и гнездования возвращаются очень немногие птицы, большинство же предпочитает каждый год выбирать новое место (Рябицев 2001; Рыжановский 1997). Повсеместно численность овсянок-крошек подвержена большим колебаниям в зависимости от погодных условий года, во многих местах они появляются не ежегодно (Коханов 1988; Рябицев 1993). В настоящее время в европейской части ареала эти птицы относительно регулярно гнездятся на севере Финляндии, во внутренних частях Кольского полуострова, под Архангельском и в Пинежском заповеднике (Рыкова 2008). Зона нерегулярного пребывания вида очень широка. Отдельных птиц встречали и отлавливали в 1970-х годах даже в юго-восточном Приладожье (Носков и др. 1981), что послужило основанием для включения овсянки-крошки в список видов, возможно, изредка гнездящихся в Ленинградской области (Мальчевский, Пукинский 1983).

Карелия располагается за пределами зоны, оптимальной для данного вида. Даже на севере Карелии численность овсянок-крошек невелика, гнездование в каждом пункте отмечается далеко не ежегодно (Коханов 1988; Бианки и др. 1993; Сазонов 1997). Южную границу области эпизодического гнездования в начале 1990-х годов проводили севернее 64° с.ш. по линии Кемь–Костомукша, единичная залётная особь отмечена в Суоярвском районе у 62° с.ш. (Зимин и др. 1993).

В последние десятилетия инвентаризационными исследованиями была охвачена почти вся территории Карелии (Хохлова, Артемьев 2003; и др.). В ходе работ зарегистрированы новые встречи овсянки-крошки южнее указанной линии, позволяющие дополнить картину её распространения в регионе. Птица, слабо тревожившаяся на зарастающей вырубке, встречена 31 июля 2000 у посёлка Юккогуба на Маслозере на северо-западе Медвежьегорского района (Хохлова и др. 2001). Совместная тревога овсянок-ремезов *Emberiza rustica* и овсянок-крошек (возможно, у выводка) отмечена 23 июля 2001 между озёрами Карбозеро и Телекино (Беломоро-Балтийский канал, шлюз № 9), к северу

от места, где птицы были зарегистрированы столетие назад Е.И.Исполатовым (1916). В окрестностях Водлозера, лежащего к востоку от Повенецкого залива Онежского озера, поющих самцов дважды отметили в июне 1996 года и один раз в июне 1997 (Сазонов 2011). В то же время в заповеднике «Кивач» на тех же широтах к западу от Онеги за более чем 50 лет наблюдений овсянка-крошка встречена лишь однажды – 28 августа 1965 (Зимин, Ивантер 1969).

Самая южная точка регистрации овсянки-крошки в пределах Карелии – остров Большой Клименецкий в Кижских шхерах Онежского озера, где орнитологический мониторинг ведётся с середины 1970-х годов. Здесь в окрестностях нежилой деревни Вайнаволоок (62° с.ш.) на небольших болотцах, расположенных среди лиственного леса в 3 км друг от друга, 10 июня 1998 найдены две пары овсянок-крошек, поведение которых указывало на возможность гнездования: обе птицы тревожились, самцы пели. На этом же острове поющий и беспокоившийся самец встречен 7 июня 2006 близ нежилой деревни Косельга.

В Архангельской области граница гнездового ареала вида опускается к югу. По наблюдениям 1988 года (Паевский, Карелина 1991), овсянка-крошка вполне обычна на юго-восточном побережье Онежской губы Белого моря. Гнездится в небольшом числе в Кожозерье в северо-восточной части Водлозёрского парка (Сазонов 2011). Найдена эпизодически гнездящейся в Лекшмозёрской части Кенозёрского парка. Здесь 29 июня 1996 на болотце с карликовой берёзой у деревни Морщихинская (южнее 62° с.ш.) встречен поющий самец, а 3 июля найдена пара с выводком плохо летающих слётков в возрасте 15-16 сут (начало кладки ~3-4 июня). Пение самца отмечено там же 1 мая 2002.

Приведённые данные позволяют продвинуть границу возможного эпизодического гнездования овсянки-крошки на северо-западе России на юг до 61°30' – 62° с.ш. Однако в целом число новых находок очень невелико, и изменение картины пребывания вида на юго-западной периферии его ареала, по-видимому, объясняется не столько ростом его численности на севере региона, сколько увеличением объёмов фаунистических исследований в последние десятилетия.

Литература

- Бианки В.В., Коханов В.Д., Корякин А.С., Краснов Ю.В., Панева Т.Д., Татаринкова И.П., Чемякин Р.Г., Шкляревич Ф.Н., Шутова Е.В. 1993. *Птицы Кольско-Беломорского региона // Рус. орнитол. журн.* 2, 4: 491-586.
- Дементьев Г.П. 1937. Воробьиные // *Полный определитель птиц СССР С.А.Бутурлина и Г.П.Дементьева.* М., 4: 1-334.
- Зимин В.Б., Ивантер Э.В. 1969. Фаунистический обзор наземных позвоночных заповедника «Кивач» // *Тр. заповедника «Кивач»* 1: 22-64.
- Зимин В.Б., Сазонов С.В., Лапшин Н.В., Хохлова Т.Ю., Артемьев А.В., Анненков В.Г., Яковлева М.В. 1993. *Орнитофауна Карелии.* Петрозаводск: 1-220.

- Иванов А.И. 1976. *Каталог птиц Советского Союза*. Л.: 1-276.
- Ивантер Э.В. 2009. Фаунистический анализ и зоогеографическое районирование территорий (на примере Карелии) // *Учён. зап. Петрозаводск. ун-та. Сер. Естеств. и тех. науки* 7 (101): 19-25.
- Исполатов Е.И. (1916) 2002. Некоторые наблюдения над птицами Повенецкого уезда Олонецкой губернии // *Рус. орнитол. журн.* 11 (198): 871-875.
- Коханов В.Д. (1988) 2008. Овсянка-крошка *Emberiza pusilla* на Европейском Севере СССР // *Рус. орнитол. журн.* 17 (416): 696-698.
- Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана*. Л., 2: 1-504.
- Носков Г.А., Зимин В.Б., Резвый С.П., Рымкевич Т.А., Лапшин Н.В., Головань В.И. 1981. Птицы Ладожского орнитологического стационара и его окрестностей // *Экология птиц Приладожья*. Л.: 1-86.
- Паевский В.А., Карелина Л.Д. 1991. Орнитологические наблюдения на юго-восточном побережье Онежской губы // *Орнитология* 25: 169-170.
- Рыжановский В.Н. 1997. *Экология послегнездового периода жизни воробьиных птиц Субарктики*. Екатеринбург: 1-228.
- Рябицев В.К. 1993. *Территориальные отношения и динамика сообществ птиц в Субарктике*. Екатеринбург: 1-296.
- Рябицев В.К. 2001. *Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири: Справочник-определитель*. Екатеринбург: 1-608.
- Рыкова С.Ю. 2008. Птицы // *Компоненты экосистем и биоразнообразие карстовых территорий Европейского Севера России (на примере заповедника «Пинежский»)*. Архангельск: 31-58.
- Сазонов С. В. 1997. *Орнитофауна заповедников и национальных парков северной тайги Восточной Фенноскандии и её зоогеографический анализ*. Петрозаводск: 1-116.
- Сазонов С.В. 2011. *Птицы тайги Беломоро-Онежского водораздела*. Петрозаводск: 1-502.
- Холодковский Н.А., Силантьев А.А. 1901. *Птицы Европы: Практическая орнитология с атласом европейских птиц*. СПб.: I-CLVII, 1-636.
- Хохлова Т.Ю., Артемьев А.В. 2003. Общая характеристика орнитофауны // *Разнообразие биоты Карелии: виды, сообщества, формирование*. Петрозаводск: 139-150.
- Хохлова Т.Ю., Артемьев А.В., Яковлева М.В. 2001. Предварительные итоги орнитофаунистического обследования районов Сегозера и Выгозера // *Инвентаризация и изучение биологического разнообразия на территории Центральной Карелии*. Петрозаводск: 119-133.
- Koskimies P. 1997. Little bunting *Emberiza pusilla* // *The EBCC Atlas of European Breeding Birds: Their Distribution and Abundance* / E.J.M.Hagemeijer, M.J.Blair (eds.). London: 755.

К орнитофауне района освоения целины (Павлодарское Прииртышье)

В.Г.Ивлиев, О.В.Митропольский, М.Г.Тазетдинов

Второе издание. Первая публикация в 1960*

Во время работы по уборке урожая на целинных землях в августе, сентябре и начале октября 1958 года нами, студентами Казанского университета, попутно проводились наблюдения за птицами[†]. Наблюдения велись в северо-восточном Казахстане в 150 км южнее Павлодара и в 40-50 км западнее Иртыша.

Ещё недавно здесь была нетронутая степь. В настоящее время это — большие массивы хлебов, соприкасающиеся с ещё необработанными участками целины.

Большую часть времени мы проводили на территории полевой бригады, где имелось несколько саманных построек. Сельскохозяйственная техника, колодцы, около которых всегда сохраняются лужицы, и, наконец, огромные бурты зерна на току вносят разнообразие в этот уголок культурного ландшафта. Зарождающийся посёлок большим полукольцом окружает участок целины. Это — слегка всхолмлённая степь с редкой растительностью, среди которой преобладают типчак *Festuca sulcata* и полынь *Artemisia incana*, много реже встречаются желтушник *Erysimum* sp., подмаренник *Gallium verum*, зопник *Phlomis pungens*, льнянка *Linaria vulgaris*, икотник *Berteroa incana*. Картину оживляют куртины чия *Stipa splendens*, а в понижениях — чингила *Chalimodendrum argenteum*. Эти понижения характерной блюдцеобразной формы достигают 10-12 м в поперечнике и густо заросли осоками. Весьма характерно для данной местности наличие солонцов, поросших различными солянками; в 5 км от бригады расположены два небольших солёных озера. Такова краткая характеристика местности, в которой проводились наши наблюдения.

Поскольку работа по уборке урожая проходила весь день на открытом воздухе, мы имели возможность записывать в дневники почти все встречи птиц. Более того, в ранние утренние часы до работы и в обеденное время мы более или менее регулярно совершали экскурсии в окрестности, где наблюдали и добывали птиц. Последующее изложение посвящено результатам этих наблюдений и экскурсий.

* Ивлиев В.Г., Митропольский О.В., Тазетдинов М.Г. 1960. К орнитофауне района освоения целины (Павлодарское Прииртышье) // *Орнитология* 3: 298-301.

[†] Кроме того, использованы некоторые данные, собранные там же в 1956 году М.Тазетдиновым.

За время пребывания на целине нами добыто около 300 птиц; все они были пронумерованы, у части сохранялись шкурки, у большинства скелеты и содержимое желудков. Несомненно, наши кратковременные наблюдения не могут претендовать на полноту и не лишены ряда существенных пропусков. Но поскольку здесь специальные орнитологические исследования до сих пор не производились, а сейчас идёт интенсивная распашка целины, что, несомненно, вызывает изменение орнитофауны, мы считаем, что наши небольшие наблюдения, произведённые в период перестройки ландшафта, представляют известный интерес.

Наблюдения были начаты 1 августа 1958. В течение первой декады этого месяца состав фауны птиц, за редким исключением, оставался стабильным. У домового воробья *Passer domesticus*, чёрного жаворонка *Melanocorypha yeltoniensis*, бормотушки *Hippolais caligata* ещё не закончился период размножения (был пойман слётки чёрного жаворонка). В окрестностях держались перепела *Coturnix coturnix*, степные луны *Circus macrourus*, степные чечётки *Acanthis flavirostris kirghizorum* Sushkin 1925, обыкновенные чечевицы *Carpodacus erythrinus*; по дорогам – чёрный, белокрылый *Melanocorypha leucoptera*, полевой *Alauda arvensis* и серый *Calandrella rufescens* жаворонки, черноголовые чеканы *Saxicola torquata*, полевые коньки *Anthus campestris*; у лужиц воды – жёлтые трясогузки *Motacilla flava*. В начале августа мы насчитывали на участке наблюдений всего 15 видов птиц, но уже к концу первой декады августа начался пролёт птиц.

Вначале наиболее многочисленны были серые жаворонки. Постоянно встречались также чёрные, белокрылые и полевые жаворонки. Во второй декаде количество серых жаворонков стало постепенно уменьшаться, и на смену им сначала единично, а затем всё чаще и чаще начали появляться малые жаворонки *Calandrella brachydactyla*, которые с середины августа были исключительно многочисленны, а серые совершенно пропали.

Пролёт чёрных и белокрылых жаворонков длился почти весь август, при этом птицы, добытые в начале месяца, были в летнем наряде, а во второй половине августа стали появляться жаворонки в зимнем оперении. К концу августа пролёт их почти закончился, но небольшими группами они продолжали встречаться до первой декады октября. Пролёт полевых жаворонков сильно растянут и продолжается около двух месяцев.

Из вьюрковых и овсянок на пролёте встречены: обыкновенная чечевица, степная чечётка, зяблик *Fringilla coelebs*, юрок *Fringilla montifringilla*, белошапочная *Emberiza leucocephala*, камышовая *E. schoenichus* и садовая *E. hortulana* овсянки. Чечевица была обычной, хотя и немногочисленной; часто попадались стайки по 5-7 особей, которые

держались весь август, единичные особи – до середины сентября; иной раз даже в холодную погоду можно было слышать пение этой птицы.

Степная чечётка в начале августа была немногочисленна, но уже с середины месяца она стала самой обычной птицей, причём в районе полевой бригады их было гораздо больше, чем на целине. В это время здесь постоянно наблюдалась стая в несколько сот особей. Птички питались на метёлках проса, на полыни и на сорняках, прячась от жары и ветра среди построек и сельскохозяйственного инвентаря. Добытые птицы имели характерный запах полыни. В конце августа – начале сентября численность чечёток достигла максимума, но далее стала постепенно уменьшаться. В середине сентября степных чечёток было ещё достаточно много, но в период с 14 по 17 сентября они как-то сразу почти исчезли. Одиночных птиц мы встречали, впрочем, до начала октября; только однажды в конце сентября мы наблюдали небольшую стайку этих птиц на просе примерно в 5 км от бригады.

Первая особь белошапочной овсянки была отмечена 11 сентября. Вскоре, примерно через неделю, можно было наблюдать небольшие группы этих птиц по 3-7 особей, а также парами и одиночками. В этот период белошапочные овсянки были обычными. В последней декаде сентября птицы одно время почти пропали (лишь иногда можно было встретить одиночных особей), но с 23 сентября они появились снова, сразу в большом количестве, одновременно с юрками и зябликами, нередко в смешанных стаях, которые двигались на юго-запад. Однако подавляющее большинство в этих стаях составляли белошапочные овсянки, реже всего встречались юрки. В конце сентября численность этих овсянок стала постепенно падать, но небольшими группами вместе с зябликами и юрками они держались вплоть до нашего отъезда.

Садовая овсянка встречалась с начала августа. Впервые она была отмечена 7-го числа; после этого стала попадаться чаще, но многочисленной не была; последние встречи садовой овсянки относятся к середине сентября, когда появились камышовые овсянки: первая особь отмечена 16 сентября; далее камышовые овсянки встречались в небольшом количестве вплоть до нашего отъезда.

Среди встреченных на пролёте птиц значительное место занимали также скворцы *Sturnus vulgaris*, серые мухоловки *Muscicapa striata*, полевой и лесной *Anthus trivialis* коньки, белая *Motacilla alba* и жёлтая трясогузки и др. Жёлтые трясогузки в небольшом числе держались постоянно до конца сентября, но во вторую декаду этого месяца численность их сильно возросла за счёт пролётных стай, содержавших нередко до 50 особей. Пролёт белых трясогузок происходил в сентябре тремя волнами – в начале, середине и в конце месяца.

В конце первой декады августа появились, но в незначительном числе, жуланы *Lanius collurio*. Следует обратить внимание на то, что

до конца августа встречались лишь взрослые самцы, а в первую декаду сентября – исключительно самки и молодые. 24 августа был добыт молодой экземпляр чернолобого сорокопута *Lanius minor*.

Самая многочисленная из славковых – славка-завирушка *Sylvia curruca* встречалась с половины августа до нашего отъезда. В последние дни августа и в начале сентября численность её была наибольшей. Остальные славки и пеночки были редки. Так, с начала августа встречались лишь единичные зелёные пеночки *Phylloscopus trochiloides*, песню которых приходилось слышать неоднократно. В середине августа встречены весничка *Phylloscopus trochilus*, серая *Sylvia communis* и садовая *S. borin* славки. В конце сентября добыты пеночки сибирские *Phylloscopus collybita tristis* Blyth 1843.

Из дроздовых наиболее обычны каменка-плясунья *Oenanthe isabellina* и черноголовый чекан. В середине сентября чеканов, горихвосток *Phoenicurus phoenicurus*, варакушек *Luscinia svecica* стало больше, что совпало с наступлением холодной и дождливой погоды. В конце сентября в незначительном количестве появились черnozобые дрозды *Turdus atrogularis*, встречавшиеся до конца наблюдений. 3 августа был добыт пёстрый каменный дрозд *Monticola saxatilis* (молодой).

В течение всего августа, особенно в первой его половине, нам приходилось наблюдать пролёт деревенских *Hirundo rustica* и береговых *Riparia riparia* ласточек, которые небольшими группами по 3-5 особей продвигались в юго-западном направлении. Деревенские ласточки единично встречались и в первой декаде сентября.

Характерно, что среди пролётных птиц налицо значительное число связанных с деревьями и кустарниками. Более того, 28 августа на участке целины был добыт большой пёстрый дятел *Dendrocopos major*, 12 августа – большая горлица *Streptopelia orientalis*, 27 августа мы наблюдали обыкновенного козодоя *Caprimulgus europaeus* и в августе же трижды была встречена обыкновенная кукушка *Cuculus canorus*. Как уже указывалось, в сентябре наблюдался пролёт зябликов, юрков, белошапочных овсянок, а также лесных коньков и черногорлых завирушек *Prunella atrogularis*. Под крышей саманной постройки был найден высохший трупик свиристея *Bombycilla garrulus*.

Значительное место (18%) среди пролётных птиц занимают виды, жизнь которых в той или иной степени связана с водой.

В 20-х числах августа появился один из многочисленных пролётных видов – чибис *Vanellus vanellus*. В течение 6-8 дней большими массами чибисы скапливались у придорожных луж с дождевой водой. С высыханием луж число их постепенно уменьшалось. В августе (как в 1958, так и в 1956 году) мы неоднократно встречали также одиночных чернышей *Tringa ochropus*. Пролёт серых журавлей *Grus grus* в 1958 году был выражен слабо: довольно много стай этих птиц летело лишь в

20-х числах августа. В 1956 году журавли встречались значительно чаще. Несомненно, что частично это был не пролёт, а кормовые перемещения. Однако во второй половине августа 1956 года был отмечен пролёт серых журавлей, которые тысячами скоплялись над Иртышом (в то же время здесь шёл интенсивный пролёт гусей и уток). Аналогичное соотношение мы наблюдали и у чайковых. Если в 1958 году чайки над степью совершенно не встречались, то в 1956 году они наблюдались неоднократно. 26 июня 1956 на свежей пашне был пойман морской голубок *Larus genei*, это была, очевидно, больная птица.

В заключение приведём некоторые дополнительные (чаще всего единичные) наблюдения над птицами, которые могут пригодиться в дальнейших исследованиях. 24 июля 1956 пойман «поршок» перепела. Эта птица вообще оказалась здесь сравнительно малочисленной, однако 15 сентября 1958 за 2-часовую экскурсию вблизи бригады учтено 25 особей. Иногда около дорог попадались саджи *Syrnhartes paradoxus* (3 сентября 1958 добыто 3 экземпляра). Обыкновенная дрофа *Otis tarda* отмечена на целине в 3 км от бригады. Одиночками около дорог встречена также огарь *Tadorna ferruginea* и пеганка *Tadorna tadorna*. Из дневных хищников была многочисленна обыкновенная пустельга *Falco tinnunculus*; однажды нам принесли подраненного местным охотником большого подорлика *Aquila clanga*. По дорогам около бригады попадались единичные удоды *Urupa eops*. На дорогах же в ночные часы нередко встречались болотные совы *Asio flammeus*.

Итак, хотя освоение целины начато в этих местах всего 4 года назад, воздействие человека повлекло за собой существенное изменение окружающей обстановки, а вместе с тем и изменение в распределении орнитофауны. Проложенные по степи дороги являются местом концентрации целого ряда пролётных птиц, так как в понижениях после дождей образуются большие лужи. На них можно встретить многочисленных воробьиных, большие стаи чибисов, серых журавлей. Посевы проса привлекают к себе тех же журавлей, гусей и мелких воробьиных птиц. Расположенные в центре целинных степей совхозы и полевые бригады с их постройками как бы «стягивают» пролётных птиц.

Мы уже упоминали, что степные чечётки в жару, дождь или сильный ветер забиваются под сельскохозяйственные машины, в щели построек. Хищники используют тракторы и комбайны в качестве присады. Пролётные белые и жёлтые трясогузки, лесные коньки постоянно держатся на буртах зерна, на поверхности которых скапливается много насекомых. В постройках гнездятся домовые воробьи, а в ямах от старых землянок – береговые ласточки.

Сирийский дятел *Dendrocopos syriacus* – новый вид авифауны Астраханской области

А.Г.Вакуленко, И.Р.Бёме

Второе издание. Первая публикация в 2007*

В процессе знакомства с авифауной северной части Астраханской области в городе Знаменске был обследован Комсомольский парк (48° 33' с.ш., 45°42' в.д.), общей площадью около 6 га. Парк является местом отдыха, и его посещает большое число людей. Одинокый самец сирийского дятла *Dendrocopos syriacus*, кормившийся на стволе белой акации *Robinia pseudoacacia*, отмечен нами на территории парка 13 и 14 мая 2006. Птица часто кричала, но ответных криков не было слышно. Несколько месяцев спустя, при повторном посещении парка 31 октября 2006 была встречена самка сирийского дятла, добывавшая корм на стволах белой акации и вяза шершавого *Ulmus glabra*. На следующий день мы наблюдали уже за двумя птицами: самец обследовал ствол вяза шершавого, а в 15 м от него, в кроне белой акации, находилась самка. Птицы вели себя активно и часто перекликались.

Одинокую самку сирийского дятла, добывавшую корм на стволе белой акации, видели в парке 9 октября 2007. Птица периодически подавала голос.

Приведённые сведения позволяют предположить, что сирийский дятел может рассматриваться как новый вид для Астраханской области, появление которого объясняется дальнейшим расширением его ареала в восточном направлении (Барышников 2001; Вакуленко 2002). Имеющиеся данные с большой вероятностью позволяют предполагать гнездование вида на данной территории.

Литература

- Барышников Н.Д. 2001. Сирийский дятел – новый гнездящийся вид Воронежской области // *Орнитология* **29**: 282.
- Вакуленко А.Г. 2002. Некоторые данные к вопросу о гнездовании сирийского дятла в Белгородской области // *Приспособления организмов к действию экстремальных экологических факторов*. Белгород: 100-102.

* Вакуленко А.Г., Бёме И.Р. 2007. Сирийский дятел (*Dendrocopos syriacus*) – новый вид авифауны Астраханской области, Россия // *Орнитология* **34**, 2: 195.